

В. Г. Графский¹ПРАВОВОЕ ОБЩЕНИЕ
КАК ОБЛАСТЬ ЦЕННОСТНОГО ДИАЛОГА

Предлагаемая тема воспринимается автором как еще один повод для нового аналитического взгляда на содержание и эффект столкновения традиционных и меняющихся форм человеческого общения и одновременно как на возможность привлечь внимание к нервным узлам взаимосвязей соответствующих институтов, ценностей, подходов. Одновременно с этим появляется возможность обозреть совместность и изменчивость некоторых новых границ коммуникаций в социуме, в чувствах, действиях привычных участников правового общения, несущего в себе ценностные ориентиры и традиции внутрикультурных и межкультурных связей.

При всем многообразии обсуждаемых в литературе культурных форм и традиций, для нашего обзора существенное значение имеют составные части комплекса национально-государственной, этнической и политической культуры той или иной нации — в виде правовых законов, государственно-политических институтов, языка общения и делопроизводства, традиционно используемого набора важнейших ценностных ориентаций участников правового общения². Однородные культурные комплексы в такой форме характерны не только для однопользовательных государств, таких как Армения или Израиль, но и многонациональных, очень сложных по составу, как Россия, или суперсложных, как Индия, своеобразии которых легко различимо в любом наборе из разряда современных государств.

Указанные характеристики культуры образуют составные части внутренней культуры быта и нравов определенного государства и народа (государств-нации), тогда как набор нескольких других таких куль-

тур, существующих одновременно и даже входящих в коммуникацию с данной конкретной культурой, формально образует уже внешнюю среду существования данной культуры. Средоточием многих вариаций межкультурного общения на почве правовых принципов и требований выступает международное право, которое помимо субъектов публичного межгосударственного правового общения имеет большой спектр частного правового общения, и все это регламентируется ныне общепризнанными отраслями международного публичного и частного права.

Более простым в силу привычности и большей известности предстает правовое общение внутригосударственное и, тем самым, — внутрикультурное правовое общение, которое регулируется преимущественно двумя фундаментальными отраслями права — гражданским и уголовным (карательным), а также общегражданским конституционным законодательством (конституционным, или как до недавнего времени его называли — государственным правом). Гражданское право (законодательство) регулирует, по шуточному определению одного французского цивилиста, личные и имущественные права в семье и за ее пределами. Следует обратить внимание, что именно начиная с семьи каждый гражданин проходит нелегкую школу правового воспитания и просвещения, причем набор областей законодательного регулирования и знания здесь удивительно многообразен и переменчив с возрастом и переменной лично-семейного статуса, что дает основания уподобить семью маленькой политической общине и одновременно составной ячейке многосложного и открытого для взаимного диалога с ней государственного сообщества. Карательное право возникает и используется как следствие совершения проступка, нарушающего запрет официальных законов или правовых обычаев. И так у большинства народов и народностей мира в прошлом и настоящем.

Что можно отнести к разряду признаков, составляющих благоприятную почву для диалога культур и столь же плодотворной конкуренции соперничающих ценностных ориентаций? Начнем с ценностных ориентаций. Об их существовании свидетельствует, к примеру, перечень общепризнанных принципов международно-правового общения³ или перечень основных прав человека (у Локка их три — право на жизнь, свободу и собственность, во Французской декларации прав 1789 года их пять — свобода, равенство, собственность, безопасность, сопротивление угнетению и т. д.).

³ К их числу обычно относят десять универсальных принципов: принцип неприменения силы и угрозы силой; принцип разрешения международных споров мирными средствами; принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств; принцип обязанности государств сотрудничать друг с другом; принцип равноправия и самоопределения народов; принцип суверенного равенства государств; принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву; принцип нерушимости государственных границ; принцип территориальной целостности государств; принцип уважения прав человека и основных свобод.

¹ Заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий, а также статей основополагающего профиля: «Государство и технократия: историко-критическое исследование», «Бакунин: из истории политической и правовой мысли», «Политические и правовые взгляды русских народников», «Правовое общение в прошлом и настоящем», «Интегральная юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект», «Право как результат применения правила законной справедливости»; «Концепция государства законности и правового государства в их возникновении, соотношении и современном состоянии» и др.; учебников: «История политических и правовых учений», «Всеобщая история права и государства» и др. Член редколлегии журналов «Государство и право», «Право и политика», «Философия права» (приложение журнала «Право Украины») и др.

² Важной вехой в освоении аксиологического подхода к праву и правоведению в отечественной литературе стали разработки 1990-х годов коллектива историков и теоретиков права под руководством члена-корреспондента РАН В. С. Нерсесянца. В изданной ими монографии «Политико-правовые ценности: история и современность» (М.: Эдиториал УРСС, 2000) были поставлены и обсуждены следующие темы и проблемы: предметное поле юридической аксиологии; компоненты права как ценности: триединство равенства, свободы и справедливости (В. С. Нерсесянц); идея господства справедливых законов: современная история; эволюция права и правовых ценностей в процессе перехода от традиционного общества к современному (В. Г. Графский), государствоведение: аксиологический подход (Л. С. Мамут), добросовестность — *bona fides* — как правовой принцип (Д. В. Дождев) и др.

Существенными для гарантированного осуществления диалога ценностных культурных ориентаций в правовом общении являются некоторые институциональные и узаконенные формы внутрикультурного и межкультурного диалога. Среди институциональных форм на первое место надо поставить суд как главный гарант легитимного протекания конфликта правовых требований и законных интересов. К узаконенным формам следует отнести признаваемые в большинстве стран мира источники права в форме обычая, прецедента и официального закона (правовую доктрину в международном и внутригосударственном правовом общении следует отнести, с понятными оговорками, к ряду норм и принципов современного обычного права, хранимого и толкуемого общепризнанными знатоками современного права).

Правовое общение как формализованный процесс вовлекает людей, различные общности (семья, родственники, сограждане и др.), формализованные институты, политико-организационные комплексы в виде партий, движений, кружков, самодеятельные общественные объединения, а также различные неформальные заинтересованные группы, озабоченные своими обособленными ценностными предпочтениями и целями и предстающие вовне носителями определенных социальных ролей и норм, смежных с моральными и юридическими нормами.

В наборе общекультурных ценностей и ориентаций в социальном общении возможно и желательно различие центральных и периферийных по степени их предпочтительности. Например, справедливость и законность в праве, высоко ценимые вместе с воздаянием должного и воздержанием от причинения вреда¹, а также свобода и равенство вместе с гарантированным обеспечением защиты и восстановления нарушенных прав в суде, и др.

В обсуждении этих вопросов всегда встречались и продолжают встречаться некоторые недостаточно проясненные культурологические характеристики современного права, правоведения и правового общения. Среди них наряду с традиционным обращением к истолкованию вопроса «что есть право?» часто присутствуют в наше время истолкования социальных ценностей и смыслов в праве, включая истолкования позиций либералов, консерваторов или марксистов в этом фундаментальном во многих смыслах вопросе. Гораздо реже включаются истолкования этих понятий в их применении к доктрине юснатурализма, юспозитивизма или интегральной юриспруденции — в последнем случае юриспруденции воображаемой или уже кем-то выстроенной и растолкованной. Не все ясно с употреблением и растолкованием заимствованной у философов конструкции классической и постклассической философии применительно к философии права или к теории права. Предложенные в юридической литературе варианты обобщений не выглядят убедительными ни

¹ Эта тема обсуждена нами в нескольких публикациях: *Графский В. Г.* Право как результат применения правила законной справедливости (интегральный подход) // *Государство и право.* 2010. № 12. С. 5–13; *Он же.* Правовое общение в прошлом и настоящем // *Право и политика.* 2011. № 1; *Он же.* Справедливость и право // *Дискуссионные проблемы права: труды Ин-та государства и права РАН.* 2012. № 5. С. 163–174.

в истолкованиях этой конструкции, ни в практическом ее использовании в анализе объектов и процессов, будь то современные или так называемые постсовременные процессы и перемены.

Общение между народами и государствами можно считать нормальными и плодотворными, когда они выстраиваются похожими на добрососедские отношения между семьями или более крупными общностями. Главными заповедями в таких отношениях становятся доброжелательность, взаимопонимание, взаимопомощь и др. Подобные взаимоотношения выстраивались и поддерживались на протяжении веков и тысячелетий между многими племенами, народами и государствами, хотя в письменной и устно фиксируемой истории обычно чаще всего фиксируются конфликтные отношения, которые сопровождалась войнами, взаимной неприязнью, всяческими унижениями и лишениями.

Если первый вариант общения выглядит привлекательным и обнадеживающим, а также разумным и справедливым, то другой требует и всегда требовал приложения немалых технико-организационных и политико-властных усилий для разрешения именно конфликтных противостояний — разрешения мирного, путем переговоров и особым образом фиксируемых договоренностей, либо путем военного противостояния и усилий по предотвращению традиционных или новых причин межнациональной конфликтности и войн — войн на покорение или даже на полное истребление. Требования и устойчивые варианты разрешения подобных конфликтов сродни (и по манере, и по результатам) использованию требований старинных правовых обычаев в конфликтах между индивидами и группами, начиная от первобытности и вплоть до настоящего времени. Со временем первобытное обычное право становится предметом законодательного освоения и распространения — то есть обычай как неписанный закон становится (или, наоборот, отвергается) законом письменным и применяемым на всей территории государства, существование которого без таких правил и требований становится делом немислимым и практически невозможным. Похожим образом обычай междуплеменных и межгосударственных отношений становятся совокупностью правил и требований, включаемых в двусторонние или многосторонние международные договоренности. Но на этом похожесть правовых обычаев в семье и обычаев международного общения заканчивается, поскольку у них различная перспектива реализуемости. Правовые обычаи и затем правовые законы в государственном общении обеспечиваются в своей реализации основанной на преобладающих ценностных ориентациях могущественной силой общественного мнения, то есть силой убеждения и, главное, принуждения. В международных отношениях эти же моральные и юридические правила обеспечены в большей части только силой убеждения с опорой на общественное мнение и на добрую волю участников международных договоренностей.

Исторически правовые нормы и требования пребывали и (вопреки распространенным в среде современных правоведов противоположным взглядам и мнениям) до сих пор пребывают в состоянии

взаимодополнительности и взаимоподдержки с моральными требованиями и нормами. И в этом заключена существенная особенность наследования упомянутой сдвоенности взаимодействия морали и права от первобытных времен и времен господства правовых норм и правил, берущих истоки из религиозных ритуалов и текстов, вплоть до настоящего времени. В современных международных отношениях эти особенности сдвоенного действия моральных и правовых правил сохраняются в более отчетливых формах и традициях, хотя не всегда должным образом констатируемых.

Необходимость общения задается, как известно, существующими формами общежития (семья, род, профессия, этническая и религиозно-политическая общность и др.). Под их влиянием оно становится устойчивым, длительным, продуктивно-плодотворным с непосредственным, частым и легким взаимным восприятием его участников в одном месте и в одно время. Одностороннее проявление общественного чувства не создает ни общения (поскольку оно предполагает взаимосвязь), ни общежития. Людей сплачивают в некое единство связи и скрепы родственные, семейные, племенные, народные и национально-государственные, хозяйственные и духовные, а также политические, моральные и правовые и не в последнюю очередь биологические и биосоциальные.

Право как социальное явление, при всей сложности своего строения и многозначности своих внешних проявлений, выглядит относительно консервативным социальным институтом. И если взглянуть на его историю в сопоставлении с историей государства, то этот вывод будет всесторонне подтвержден и убедительно проиллюстрирован у самых разных народов в самых обособленных регионах мира.

Право в переживаемый исторический период отмечено в своих традиционных проявлениях и действительности интенсификацией глобальных экономических и политических процессов сотрудничества и одновременно биполярной или множественной конфликтностью¹. В этих своих модификациях оно функционирует преимущественно всю вторую половину XX столетия и существует вплоть до настоящего времени. Право как многосложная совокупность законов, норм, принципов и институтов отмечено в этот период некоторыми важными новациями в своих внутренних и внешних проявлениях, ставших заметными как в отраслевом, так и в фундаментально-системном своем существовании. Так, например, в дополнение к финансовому праву появилось и упрочилось право банковское, а к морскому и воздушному праву добавилось космическое право,

к универсальному международному праву добавилось право региональное (европейское право, латиноамериканское и др.).

Как и многие другие назревшие и неотложные социально-политические проблемы современного общественного бытия в их личном, индивидуальном или групповом воплощении, обсуждаемая особенность меняющегося правового общения и регулирования выглядит как задача многоаспектная, а для «больших узких специалистов», понятное дело, еще и междисциплинарная.

Восприятие права как результата применения правил законной справедливости формально подпадает под требования и методологические запросы системного анализа, однако его познавательные и прагматические последствия делаются не столь удобопонятными и самоочевидными в случае трактовки права только как приказа суверена (короля, парламента и т. д.). Причиной тому становится так называемая «нелинейность системы», которая в процессе своего функционирования и саморазвития демонстрирует сосуществование порядка и хаоса, которые взаимопроникают и взаимно трансформируют друг друга.

Справедливость в правовом общении связана с проявлением нескольких моральных и иных скреп, включая вышеперечисленные семейные, лично-групповые, профессиональные и политические скрепы человеческого общежития. Биологи, дополняя этот перечень, говорят, что за чувство справедливости отвечают несколько участков мозга, связанных с эмоциональной сферой человека. На этом основании некоторые социологи и юристы отрицают существование социальной справедливости, ибо в ней, по этой логике, нет ничего, кроме эмоций. Однако подобная логика не вполне убедительна, поскольку сильно упрощает обсуждаемую здесь проблему.

Для переживаемой исторической эпохи, как уже неоднократно отмечалось в литературе философского и культурологического профилей, характерно преобладание стремительных и фундаментальных перемен с непредсказуемыми последствиями. Эти перемены настолько сильны, что становятся практически неустраняемыми и неуправляемыми и подчиняют своему воздействию многое привычное и традиционное в нашей жизни и в нашем повседневном (и не только повседневном) общении. Перемены эти находят заметное отражение в проблематике и строе наших размышлений о старом и новом в области правового регулирования и его легитимности, действительности, а также о возможных перспективах политики права.

¹ Ряд плодотворных аспектов этой темы обсужден О. Хеффе в монографии «Справедливость. Философское введение» (М.: Практикс, 2007), особенно разделы: «Принципы справедливости в юстиции», «Глобальная справедливость», «Глобальные правовые задачи», «Больше чем справедливость: чувство общности и дружба». См. также: Philosophie der Gerechtigkeit. Texte von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. von Christof Horn, Nico Scarano. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002.